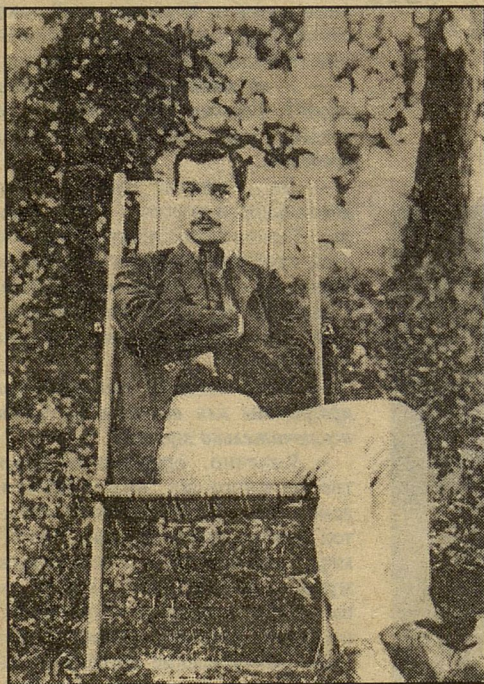

Саша Черный.

Двадцать лет назад это казалось бы совершенно невероятным. Да и десять лет назад тоже. Пятидесятилетие сочинений Саши Черного? Помилуйте! Двадцать лет назад сказали бы, что хоть в прошлом и демократ, но все-таки эмигрант — не понял, не принял и так далее. Десять лет назад сказали бы — масштаб не тот. Сатирик, шут, нечто несерьезное. Да и чего набрать у него на пять томов? Сегодняшнего читателя не удивишь, похоже, ничем. Даже приятной новостью. И это обидно. Потому что совершившееся достойно добрых слов и радостного удивления. Московское издательство «Эллис Лак» наконец-то выпустило первые два тома пятидесятилетнего собрания сочинений Александра Михайловича Гликберга, вошедшего в русскую литературу сначала как «Саша Черный», а потом и как «А. Черный». В первом и втором томах с наибольшей полнотой собрано его поэтическое наследие (третий и четвертый тома — собрание его прозы, а пятый — стихов и прозы для детей).

Представлять Сашу Черного современному читателю, слава Богу, не надо. Издавали его много, особенно в последние годы, причем издавали порой весьма неплохо, на хорошем научном и полиграфическом уровне. Стоит вспомнить, что он «вернулся в Россию» одним из первых среди поэтов эмиграции и в большую серию «Библиотеки поэта» попал непосредственно вслед за Бунным, раньше Бальмонта и Цветаевой, не говоря уже о Ходасевиче. Но до сих пор не преодолен до конца сложившийся в начале шестидесятых годов стереотип «Саша Черный — обличитель мещанства». Доля истины в этом немалая, но только доля.

Как автор сатирических стихов на политические, бытовые и литературные темы Саша Черный в дореволюционные годы действительно не знал себе равных — ни Петр Потемкин, ни Василий Князев, ни Валентин Горянский, не говоря уже о менее значительных авторах, не могли составить ему конкуренции. Он прославился этими стихами на всю Россию — об этом говорит хотя бы обилие переизданий.

Именно эти стихи запомнились большей части современников; именно с них началось и его посмертное возвращение. Обличитель пошлости, самодовольной глупости, правительственного депотизма и цензурного гнета как нельзя лучше подходил «шестидесятиникам» в качестве предшественника и единомышленника, чьи стихи было удобно и не так опасно просцировать на «будни советской недели». Так Саша Черный и остался только сатириком.

Саша Черный. Собрание сочинений в пяти томах. М., «Эллис Лак», 1996.

«И встает бывшее светлым раем...»

Саша Черный — знакомый и незнакомый

Перечитывая тома тщательно и любовно составленного и подготовленного собрания сочинений, с некоторым удивлением замечаешь то, что вроде бы знал и раньше, да как-то не обращал внимания. Действительно, в дореволюционные годы Саша Черный был по преимуществу сатириком — и сатириком великолепным. Но уже вторую свою книгу он назвал «Сатиры и лирика», хотя его «лирика» этих лет или почти неотделима от «сатир», или настолько уступает им, что можно о ней специально и не говорить.

Саша Черный — лирик (точнее, «А. Черный», как он стал подписываться, разделяя свои амплуа и литературные маски) по-настоящему появился только в эмиграции, где в свою очередь постепенно угас сатирик Саша Черный.

К несчастью, на читательское восприятие Саши Черного (равно как и Игоря Северянина) в СССР-России наложила отпечаток и их эмигрантская судьба: поздние стихи до советского читателя доходили мало и с опозданием на много десятилетий или не доходили вовсе. Кроме того — опять же в силу сложившихся стереотипов или навязанных штампов — эмигрантское творчество воспринималось в лучшем случае как дополнение к написанному в России, если не как «оскудение и деградация».

В собрании стихотворений Саши Черного не так уж много вовсе неизвестных или неожиданных текстов (пожалуй, это можно отнести только к его сравнительно немногочисленным антибольшевистским сатирическим стихам). Дело скорее в полноте картины и, соответственно, в соблюдении пропорций.

Прежде всего становится совершенно очевидно, что на протяжении почти тридцатилетней литературной деятельности поэт не стоял на месте как истукан и меньше всего думал об удобстве будущих филологов-классификаторов. Иными словами, не было «одного» Саши Черного, однажды определившегося и всегда одинакового.

Беспощадный обличитель монархии стал столь же беспощадным противником большевиков. Злой и ироничный сатирик превратился в нежного, хотя и грустного лирика. Тот, кто некогда насмехался над Милюковым «со товарищи», в годы эмиграции печатался во вполне кадетских «Последних новостях» в Париже.

Что это — спуск флага, сдача позиций, ренегатство? Да нет, просто течение жизни, эволюция. Плохо ли, хорошо ли — не нам судить. Но можно с уверенностью сказать одно: эволюция — несомненный признак настоящего поэта, настоящей творческой личности. Тем более, что в случае Саши Черного она была оправданной и искренней.

Второе — и, может быть, более важное открытие, которым обогащает читателя собрание сочинений, — это лирическое лицо А. Черного, особенно эмигрантских лет. Он сам акцентировал внимание на этой разнице сменой псевдонима — серьезный «А. Черный» сменил несерьезного «Сашу». Темы и сюжеты стихов как будто особо не переменились, а вот тональность и построение стали совершенно другими. То, что раньше заслуживало лишь издевки, ныне стало достойным внимания — а во многих случаях и оправдания.

Стал ли А. Черный поэтом того мещанского уклада, над которым

издевался Саша Черный? Отчасти и так. В предисловии к тому большому сборнику «Библиотеки поэта» в 1960 г. Л. А. Евстигнеева писала: «Запас старых сюжетов и тем иссяк, многие образы зачеркнула жизнь, иные потускнели вдали от родной почвы». Это сказано зло, но не во всем несправедливо.

Пожалуй, жизнь Саши Черного сложилась по пословице «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Нужно было потерять Россию, русскую жизнь, русский быт, русскую среду, чтобы понять — не все в ней одно лишь «мясо» или «вешалка дураков». Отечественный «старый хрен в английском платье» сменился немецким, французским или итальянским, еще более отвратительным и неприемлемым. И постаревший усталый поэт стал с любовью вспоминать курсисток и провинциальных телеграфистов, беловесек, офицеров и даже городских. В конце концов, не были они виноваты в «жизни своей безобразной» — не вина это их, а беда.

И тут необходимо коснуться еще одного деликатного сюжета. Некоторые не в меру ретивые «патриоты» поспешили записать поэта в русофобы, не забывая намекнуть и на его национальность. В дореволюционной России, столь милой сердцу никогда не видевших ее современных опереточных монархистов, Саша Черный жестко и порой жестоко осмеивал чуть ли не все подряд — но едва ли когда в его сатире присутствовал оттенок смакования или глумления. А в годы эмиграции он порой становился даже сусален — только вот это и проглядели ревнители «России, которую мы потеряли», и виной всему — опять же прежние стереотипы «обличителя».

Саша Черный был и сатириком, и лириком, был страдающим и любящим, негодующим и гневным, но никогда не был пошлым и циником. «И в грустной процессии смерти противно пускаться в канкан», — заявил он еще в самый

разгар своего «обличительства». А теперь мы открываем для себя еще и Черного-лирика, знание которого помогает нам более справедливо и многомерно оценить и понять Черного-сатирика.

Таким образом, отпадает и вопрос о «масштабе». Едва ли стоит ставить оценки поэтам прошлого и выяснять, кому на каком месте стать и кому сколько положено томов собрания сочинений. Хорошо, что стихи Саши Черного собраны наконец-то с полнотой, близкой к абсолютной (последняя едва ли достижима по условиям анонимности публикаций столь многих дореволюционных сатирических журналов, равно как и несобранности и неизученности эмигрантской прессы). Вопрос о значении Саши Черного как поэта каждый решает для себя, благо «материала» для этого ныне предостаточно.

Особенно хочется сказать о научной стороне издания, подготовленного А. С. Ивановым, крупнейшим знатоком и исследователем биографии и творчества Саши Черного. Издательство решилось на весьма интересный эксперимент: не ограничилось одной вступительной статьей к собранию сочинений (как это делается в большинстве случаев), но открывает каждый том особой статьей. Это вполне оправдано как жанровым разнообразием, так и творческой эволюцией Саши Черного — да и помещение его в контексте разных эпох заставляет взглянуть на него и на его стихи совершенно по-другому.

Не буду подробно останавливаться на разборе вступительных статей, бесспорно, достойных самостоятельной рецензии (предисловия к пяти томам по существу станут первой отечественной монографией о Саше Черном). Отмечу лишь не только исключительное знание материала и эпохи, но и глубокое проникновение в него, редкое понимание, «вживание», вчувствова-

ние автора в мир своего героя. Особо отмечу чисто литературную сторону — элегантный слог, яркий и красочный язык, четкость изложения и логичность построения. Предисловия к чужим книгам, по сложившемуся мнению, можно и не читать, но в данном случае много потеряет тот, кто пролистает и оставит их без внимания.

Известна ироническая фраза Черного: «Не Шекспир главное, а примечания к нему». Комментарии А. С. Иванова выполнены на очень высоком уровне и по полноте сообщаемых в них сведений ориентированы на такой образец, как большая серия «Библиотеки поэта».

Из них мы узнаем об истории создания и издания книг Саши Черного, о принципиально важных изменениях в их композиции от издания к изданию, о реакции современников, о первых публикациях и источниках текстов. Особенно важен реальный комментарий — без него стихи на злобу дня будут просто непонятны, текст «погаснет», пропадет без знания контекста.

Раскрытие и разъяснение бытовых и политических реалий комментатору удалось вполне, но в примечаниях к литературным сюжетам сатиры Саши Черного, по моему мнению, вкрались следы пристрастий уже не автора, а комментатора, что едва ли можно считать достоинством (пример — комментарий к эпиграмме на Брюсова в первом томе). Но это уже мелочи, к которым обязывает жанр рецензии.

Теперь мы можем с уверенностью сказать, что знаем настоящего Сашу Черного-поэта в полном объеме. Поймем ли мы его? — другой вопрос. Но не забудем, что именно он писал в эмиграции о России:

И встает бывшее светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли.

P.S. Когда эти строки были уже написаны, вышли третий и четвертый тома собрания сочинений Саши Черного, о которых следовало бы поговорить отдельно.

ЮРИЙ ГЛЕБОВ

Москва

312